

7-25

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ВЫПУСК XIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVIII вв.

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА ★ 1941

С-23

С.П. Григорова Т

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК XIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVIII вв.

*ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. Г. А. НОВИЦКОГО*

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

МОСКВА ☆ 1941

23 ОКТ 2009

ОБЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
И 7 1622

Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ОТВ. РЕДАКТОР
проф. Б. Я. ЗАКС

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ СССР
XVI—XVIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск Трудов Государственного Исторического Музея, состоящий в основном из работ научных сотрудников IV отдела Музея, посвящен изучению вопросов истории СССР в XVI—XVIII вв. Темы статей, вошедших в сборник, находятся в тесной связи с задачами экспозиционной работы по истории СССР в XVI—XVIII вв.

Тема об укреплении самодержавия при Иване IV потребовала углубленной научно-исследовательской работы в области раскрытия социальной сущности опричнины и в частности привела к необходимости тщательно исследовать весь вопрос о социальном составе опричнины. Эта работа Г. Н. Бибикова, одного из авторов существующей экспозиции по XVI веку в Государственном Историческом Музее, построена не только на изучении всего опубликованного по опричнине документального материала, но и на использовании разрядной книги № 950 собрания Уварова, хранящейся в Отделе рукописей Музея.

Статья Е. И. Дракохруст, старшего научного сотрудника IV отдела, является итогом проведенной ею для экспозиции по XVII столетию работы по раскрытию содержания иконографических источников, освещающих польскую интервенцию начала XVII века.

Работы старших научных сотрудников П. А. Незнамова, М. И. Дубовской и Л. И. Якуниной представляют собой научную публикацию некоторых неизвестных в литературе памятников эпохи реформы Петра I из числа хранящихся в Музее и подвергшихся при работе над экспозицией систематическому изучению.

Статья действ. члена А. Я. Брюсова возникла в итоге обследования им заброшенных рудников в Ругозерском районе Карело-Финской ССР при археологических работах в этом районе в 1933 г. Эта работа знакомит с одной из забытых страниц в истории разработок золота на территории СССР в XVIII веке.

Исследование старшего научного сотрудника IV отдела И. С. Курицына построено преимущественно на изучении неопубликованных архивных материалов по истории вотчинной мануфактуры XVIII века. Эта работа связана с начатой подготовкой в Историческом Музее экспозиции по второй половине XVIII века и вызвана почти полным отсутствием специальных исследований в этой области. Данная работа И. С. Курицына продолжает в известной мере его работу по кандидатской диссертации, защищенной им в 1938 г. после окончания аспирантуры при Музее.

Статья старшего научного сотрудника IV отдела Е. И. Дракохруст «Альбомы-дневники И. Г. Мюнца 1781—1783 гг.» посвящена анализу недавно найденного в Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея исключительно ценного источника по истории Украины, Белоруссии и Молдавии, открывающего ряд интересных деталей по отдельным вопросам их истории. В дневнике рассыпаны очень ценные замечания по экономике и быту правобережья, которые в свою очередь дополняются живыми и богатыми зарисовками.

совками такого опытного художника, каким был Мюнц. Наиболее интересные иллюстрации из альбома Мюнца, публикуемые в настоящем сборнике Трудов Музея, не могут не вызвать пристального внимания историка, изучающего Украину в XVIII столетии.

Статьи М. М. Дубовской и Л. И. Якуниной редактированы Г. Л. Малицким.

Редакция

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

Про опричнину царя Ивана IV написано очень много, про опричников — почти ничего...

Больше всего внимание историков привлекала задача определения общего смысла соответствующих мероприятий Ивана Грозного, меньше занимались уяснением конкретных форм самого учреждения опричнины, личный же состав опричников исследователи оставляли почти совершенно без внимания.

Между тем все эти вопросы теснейшим образом связаны друг с другом, и без ознакомления с социальной физиономией представителей «опричной дружины» мы не сможем окончательно разрешить ни вопроса о социальной сущности всей опричнины, ни вопроса об ее историческом значении.

Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать совершенно новую постановку вопросу об опричнине Ивана IV. Ее задача несравненно более узкая. Автору хотелось представить сводку данных о социальном составе опричников, извлеченных им из самых разнообразных источников, и отдельные характеристики особенно типичных представителей той или иной социальной группы. И эту, сравнительно очень ограниченную задачу автор не может считать разрешенной им до конца. Выполнение ее требует очень длительной и чрезвычайно кропотливой работы над большим количеством самых разнообразных рукописей и печатных изданий, что в свою очередь упирается в вопрос о времени. Все же накопленный материал дает известные права на то, чтобы: 1) попытаться дать классификацию опричников по тем или иным социальным рубрикам и 2) изложить предварительные выводы.

Трудность настоящей работы заключается главным образом в крайней недостаточности и чрезвычайной распыленности источников. У нас не сохранилось списков опричников. Ближайшей задачей является таким образом подбор более или менее значительного количества имен опричников. Для этого приходится обращаться к очень разнообразным источникам и буквально по крупицам выбирать из них необходимые сведения.

Источники

Одну из основных категорий источников для уяснения личного состава опричнины составляют сказания иностранцев-современников, а иногда и участников опричнины. Эта категория документов к тому же не доставляет особых затруднений при изучении. Правильность и

точность сведений, сообщаемых иностранцами-современниками в отношении отдельных опричников, за единичными исключениями, не вызывает сомнений.

Первое место среди современников-иностранцев, писавших об опричнине, бесспорно принадлежит немцу-опричнику Генриху Штадену¹, этому прожженному авантюристу, с такой изумительной откровенностью описывавшему свои злодеяния и плутни. Г. Штаден любопытен тем, что он указывает членов узкого правящего кружка опричнины. В другом месте Штаден дает еще один более подробный список «начальных лиц из опричнины», вызвавших гнев Ивана IV и казненных в связи с отменой опричнины. Наконец, в разных местах своего сочинения Штаден называет отдельных приближенных Ивана Грозного, повидимому, также опричников. Он же сообщает данные об опричниках-немцах.

Лифляндские дворяне, шпионы и продажные политиканы крупного масштаба Таубе и Крузе² гораздо более суммарны и абстрактны в своих характеристиках. Они называют одиннадцать влиятельных людей, приближенных Ивана IV в годы опричнины, большая часть которых известна нам также по другим источникам.

Несколько больше (до 14) имен можно извлечь из записки Альберта Шлихтинга³, автора целого ряда красочных характеристик и страшных в своем обнаженном натурализме образов. Хотя не все из этих 14 лиц прямо названы опричниками, но из сопоставления с другими документами, а также из контекста явствует, что они также принадлежали к «опричной дружине».

Таким образом определенную сумму имен дают уже современники-иностранцы. Современные опричнине русские литературные памятники очень немного прибавляют к известным из сочинений иностранцев именам опричников. Кроме князя Курбского, чрезвычайно скупого на фактические подробности в отношении, повидимому, очень плохо ему известной опричнины, здесь следует назвать только интересные записи новгородских второй и третьей летописей и, к сожалению, совершенно недостаточные указания основного для XVI столетия Никоновского свода, обрывающегося на 1567 год.

Из документального русского материала наиболее щедро вознаграждают исследователя Разряды. Представляется несомненным, что детальное изучение всех сохранившихся за годы опричнины разрядных списков может очень далеко подвинуть вперед разработку этой крупнейшей для истории XVI в. проблемы.

Многую были проработаны Разряды XVI в., изданные Языковым, Хомяковым и Валуевым в «Синбирском сборнике»⁴.

Кроме того, мне удалось использовать одну из рукописных книг, хранящихся в Отделе рукописей Государственного Исторического Музея⁵. Начиная с осени 1565 г. и до 1570 г. включительно, в Разрядах при перечислении военных сил Московского государства наряду с основными боевыми единицами, состоявшими из земских лю-

¹ Генрих Штаден, «О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника», перев. И. Полосина, М., 1925 г., Изд. Сабашниковых.

² «Послание Таубе и Крузе», перевод М. Рогинского, «Русский исторический журнал», кн. № 8, 1922 г.

³ Новое известие о России времени Ивана Грозного, «Сказание» Альберта Шлихтинга, перев. Малеева, Л., 1935 г.

⁴ Синбирский сборник, М., 1844 г.

⁵ Отдел рукописей ГИМ, Разрядная книга № 950 (Увар.).

дей, названы также особые «опришные полки», собиравшиеся обычно в Калуге и в примыкавших к ней «украинных» и «заоцких» городах. Значительное (около 40) количество командиров этих полков, названных поименно, составляет как бы кадровый генералитет опричнины и вместе с тем — плотный кружок влиятельных опричников. В Разрядах нет прямого указания на то, что в число опричников входили все дворяне, сопровождавшие грозного царя и его старшего сына во время их походов в В. Новгород в 1567 г., на юг — в 1570 г. и опять в В. Новгород — в 1571 г. Однако представляется несомненным, что во время этих походов царя и царевича сопровождали именно опричники. Действительно, нам удалось установить, что целый ряд лиц, безусловно являвшихся опричниками (например В. И. Яковлев, В. А. Сицкий, М. Черкасский, В. Умный, Зайцев, Малюта и др.), называется здесь среди приближенных царя без специальной отметки об их принадлежности к опричникам, и, наоборот, ни одного лица, о котором мы бы наверняка знали, что он был земским (а таких очень много), мы здесь не находим. Наконец, под 1572 г., который отмечен определенным ослаблением режима опричнины, имевшим место после расправы над целым рядом видных опричников в 1571 г., встречается обычно разрядная роспись нового новгородского похода Ивана IV. На этот раз царь, желая, очевидно, продемонстрировать сближение с земскими, шел в сопровождении бояр и дворян «из Земского» и бояр и дворян «из опричнины», перечисленных отдельно друг от друга. Эта интересная роспись дает еще несколько новых, не встречающихся в других памятниках, имен опричников.

Уже работа над Разрядами потребовала от нас в некоторых случаях определенных гипотетических построений и критических размышлений в отношении возможности использования той или иной росписи в целях пополнения нашего списка опричников.

Следуя в этом направлении дальше, попытаемся привлечь для нашего исследования напечатанные в первом томе Собрания государственных грамот и договоров поручные записи бояр и детей боярских в верной службе Русскому государству и царю Ивану. Эти записи интересны для нас, между прочим, тем, что каждая из них дает большое количество имен преимущественно верхушечного слоя служилых людей. Хотя нигде в поручных записях прямо опричники и не названы, но относительно двух этих записей можно утверждать, что они представляют собой документы, составленные в опричнине и называющие опричников. Я имею в виду поручные записи по Захаре Ивановиче Очине-Плещееве и князе Иване Петровиче Охлябинине⁶, датированные 7074 г. По содержанию они чрезвычайно близки друг к другу и вместе с тем заметно отличаются от других аналогичных записей. Внешнее отличие этих документов заключается в том, что они сравнительно очень кратки. Самая формула обязательства изложена своеобразно («ему за нашу порукою в Литву не бежати, и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехати и не постричися»); в других аналогичных документах — «не отъехати» или «не побежати в Литву, ни в Крым, ни в Немцы, ни в иные ни в которые государства, ни в уделы ни х кому» или «не отъехать в Литву и в Крым, ни в иные ни в которые государства, ни в удел»).

Далее количество ручающихся сравнительно невелико, причем

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, т. I, стр. 558—560.

сразу же бросается в глаза принадлежность большей их части к среднему и даже низшему слою класса феодалов. О Захарии Очине и Ив. Охлябине мы знаем, что оба они попали в литовский плен во время неудачной битвы под Оршей в январе 1564 г. Мы не знаем, когда наши полоняники вернулись домой. Во всяком случае в апреле следующего, 1565 года Захарий Очин уже выступает в качестве ответственного исполнителя важных царских поручений в Русском государстве. Для нас особенно важно, что и З. Очин и Охлябинин вошли в состав опричнины, заняв в ней достаточно видное положение. Таким образом эти не совсем обычные поручные записи были даны по опричникам. Далее среди поручителей мы опять-таки находим опричников, известных нам по другим документам. По Охлябине ручалось 28 человек в двух тысячах рублей. Список поручителей возглавляют известные и по другим памятникам опричники: четверо князей Хворостининых, Вас. Охлябинин, знаменитый опричник Василий Ильич Грязной. Дальше сталкиваемся с опричником же П. Б. Сомовым, Дм. Кашкаровым, отдельными родственниками лиц, уже выявленных как опричники (Пушкины, Хитров). Следовательно, в данной записке по опричнике ручаются опричники же. Мы получаем возможность увеличить наш список за счет тех лиц, которые ручались по Охлябине вместе с Хворостиниными, Грязным, Сомовым и другими и которые до этого еще не были нам известны как опричники.

Текст записи по опричнике Захарии Очине не дает такого большого количества известных имен. Но он сходен с первым текстом. Обе записи были, видимо, написаны одновременно, в одной и той же приказной канцелярии. Список 26 поручителей, ставивших в заклад на этот раз уже 4000 руб., возглавляет Иван Павлинов, ручавшийся и по Охлябине. По тому и другому поручились также братья Хитрые, И. Захаров. Наконец, и здесь встречаются опять отдельные уже известные опричники: Ильин, Молчанов, Никита Очин-Плещеев и др.

Следовательно, и эта запись может быть использована как документ, позволяющий изучить состав опричнины. Нам не удалось с такой же степенью достоверности доказать опричное происхождение других современных опричине записей. Немногим дополняют наши познания дипломатические документы⁷. Достаточно редко попадаются соответствующие сведения в различных поземельных актах⁸. Остальные виды документов давали только случайный и незначительный материал. Может быть, какая-нибудь счастливая находка и увеличит число известных нам сподвижников царя Ивана. Но пока ее нет.

В настоящее время известны имена 234 опричников. Эта цифра невелика, если ее сравнивать с общим количеством служилых людей, числившихся в опричине. Но, как совершенно правильно указывает в своей последней работе П. Садиков, среди этих служилых людей необходимо отличать лиц, входивших в «охранный царский отряд» — основное ядро «избранной дружины» Ивана Грозного, от рядовых опричников, явившихся в результате общего «перебора людишек»⁹. Характер наших источников таков, что нам приходится иметь дело

⁷ Сборник Русского исторического общества, ч. 71.

⁸ Например, изд. Сухотиным „Земельные пожалования Владислава“.

⁹ П. Садиков. „Из истории опричнины“ (Историч. архив, т. III, стр. 137, М.-Л. 1940 г., Изд. Акад. Наук СССР).

далеко не с рядовыми служилыми людьми, а преимущественно с представителями опричной верхушки. Об этой наиболее активной части опричнины ценные данные сообщают Таубе и Крузе:

«Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричину, свое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большею частью очень низкого происхождения, все смелых, дерзких, безчестных и бездушных парней. Этот орден предназначался для особенных злодеяний»¹⁰.

Оставляя в стороне моральную и социальную оценку, данную далеко не беспристрастными современниками, получаем цифру 500 человек. Известные нам опричники составляют таким образом около 50% руководящего слоя опричнины. При этом надо иметь в виду, что самые активные и самые влиятельные из опричников безусловно входят в число известных нам 234 человек.

Из состава опричников приходится прежде всего выделить нерусскую прослойку. Нам известны имена пяти опричников — «немцев» — разного рода, очень пестрых по социальному происхождению, более или менее удачливых авантюристов, и до 9 татар и черкесов, большею частью принадлежавших к знати. Очень определенную, хотя и небольшую группу (6 чел.) составляют опричные дьяки. Выключая пока из общей суммы трех лиц, положение которых еще совершенно неясно, получаем 211 человек основного слоя опричников — служилых людей «по отечеству», типичных феодалов-крепостников по классовому признаку. Этот слой и будет находиться в центре наших изысканий.

Прежде всего попытаемся выявить некоторые общие, сравнимые показатели, которые позволили бы определить основные группы опричников внутри класса феодалов. Для этого нам в первую очередь было бы необходимо получить сведения о размерах земельных владений интересующих нас лиц. Однако собрать такие сведения в отношении всех или хотя бы значительной части известных нам опричников невозможно.

В большей степени поддаются выяснению и учету территориальные связи опричников, те центры, к которым они были причислены своей службой. Последние же в большинстве случаев определялись географическим расположением их вотчин и поместий. Изучение территориальных связей опричников чрезвычайно любопытно. Известно, какое большое значение придается в литературе вопросу о размещении опричных уездов. Исследование этого вопроса позволило ученым сделать ряд выводов. И, однако, значение этих выводов умалывается тем, что территориальные связи даже виднейших опричников не были приняты во внимание и не было произведено попытки согласования данных о географическом размещении опричных уездов с географическим распределением земельных владений опричников.

Известные общие, сравнимые данные можно извлечь в отношении служебного положения опричников. К 60-м годам XVI в. принцип обязательной службы окончательно восторжествовал в отношении по крайней мере высших и средних разрядов класса феодалов-крепостников, и то место, которое тот или иной сын боярский или князь занимал на ступенях лестницы служилых чинов, уже в значительной степени определяло и его социальный вес.

Наконец, вполне возможной задачей является изучение генеалогического состава опричников, выяснение степени их родovitости.

¹⁰ Таубе и Крузе, Русский исторический журнал, кн. № 8, 1922 г., стр. 38—39.

прусских таможен». Здесь у Мюнца вторая сноска: «уже были австрийские товары в Каневе, в 1786 г.: сукно, железо и венгерские вина, которые украинские евреи привезли в Кременчуг с огромным количеством крымской соли; товары прошли Днепром в половодье. Берега этой реки очень удобны для подъема всех грузов силами людей (бурлаков) или лошадей».

Как видно из дневников, в создавшейся ситуации крупнейший магнат, начальник Мюнца, стремился учесть все выгоды экономического положения принадлежавших ему приднепровских староств и в особенности Канева на Днестре, а также своих белорусских имений на Припяти.

Наконец, на рисунке, изображающем «вид Днестра при впадении в него реки Роси, несколько ниже Канева» (№ 3, 1782 г.), Мюнец пишет, выделяя более крупным текстом: «Князь Потемкин, который торговал у князя Ксаверия Любомирского его земли у Смелы, наконец, приобрел их в 1786 г. так же, как земли и леса у Мошны, которые тянутся до этих мест. Он устраивает на реке Роси складочное место для торговли между нижним и верхним Днестром, что нанесет смертельный удар торговле Пруссии с Литвой; этот склад будет снабжать всеми товарами Литву, процентов на 10 дешевле» (13 сент., 1782 г.).

Записи, подобные цитированным, встречаются и в других местах альбома и производят впечатление наиболее актуальных для автора и его окружения.

Таким образом экономические интересы, связанные с переключением торговых путей с Балтики на Черное море, задевали за живое магнатские хозяйства и, несмотря на всю враждебность поляков к России после 1772 г., двигали некоторых из них на сближение с Потемкиным, хотя Мюнец и пишет, что Потемкин держится с поляками «высокомерно и дерзко».

В связи с вышесказанным Мюнец вместе с Понятовским посетил русские торговые города Кременчуг и Херсон. Кременчуг изображен Мюнцем с противоположного берега Днестра, немного вверх по течению. Акварель дана дважды — в малом альбоме первый эскиз и в большом — точная копия несколько больших размеров: через Днестр виден мост, на набережной ряд больших зданий.

В дневнике он пишет: «Крупный город, масса лавок, большие деревянные дома, шелк, сукно, шерстяные ткани, ножи, шерстяные товары, льняные ткани, вина, водка, английское пиво. Большой склад крымской соли³⁶. Большая часть товаров идет из Германии — из Лейпцига. Потемкин хочет связать торговлю с Австрией через Черное море и Дунай — тогда Литва проиграет» (29 авг., 1781 г.).

Рисунок Херсона представляет собой незаконченный набросок пером в большом альбоме и датирован 1781 и 1782 гг.

Вероятно, это самое раннее изображение Херсона, потому что английский художник Хэтфильд, который сопровождал Екатерину II во время ее путешествия в Крым и сделал 13 акварелей, в том числе виды Киева, Кременчуга и Херсона (по два вида), писал их в 1787 г. Рисунок Мюнца озаглавлен: «Вид нового города Херсона на Нижнем

³⁶ Здесь же Мюнец упоминает о русском купце „Монополисте Фалесве, который все забрал в свои руки“. Это замечание интересно, поскольку Фалеев — крупная фигура среди агентов Потемкина. В 1780-х гг. он строил Кременчугскую, Херсонскую и ряд других верфей, обходный канал на Ненасытинском пороге, имея должность оберштеркригс-комиссара (Николайчик, Город Кременчуг, 1891 г., стр. 69).

Рис. 19. Харчевня в деревне Чесновке, в Подолии. Акварель из альбома Мюнца. 1781 г.

Рис. 20. Возвращение крестьян с Каневской ярмарки. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

Днепре или лимане, деревеньки и крепостцы Кильбаковки с татарского берега»³⁷.

В тексте нет описания изображенных зданий, хотя известно, что через три года после основания — значит, как раз во время посещения Херсона Мюнцем — там существовал «Новый город» с дворцом, адмиралтейством, литейным двором, арсеналом, верфями, казармами и частными домами, крепость была снабжена гарнизоном и 220 орудиями, на верфи строились различные суда, в гавани находились военные и купеческие корабли, в городе основывались торговые иностранные дома³⁸.

На рисунке Мюнца Херсон дан со стороны Молчановской балки: видны мощные стены крепости, купола двух церквей — может быть, Спасского собора, заложенного Потемкиным в 1781 г., десятка три домов и ряд корабельных мачт. Дав краткую справку о постройке Херсона, Мюнц резко критически характеризует город: «Укрепления почти готовы, но они ничего не стоят, также и верфь. Очень сомнительно, чтобы эта стройка продвигалась вперед. Местность очень нездоровая, много болот, летом — стоячая вода, гниющая в лимане, корабли очень страдают от окружающей гнили»...

«Херсон — только предлог, Россия только и ищет ввести в заблуждение своих соседей»... Далее он развивает выше цитированные мысли о стремлении России соблазнить Польшу выгодами торговли по Днепру, вывоза продуктов по Дунаю и Черному морю.

В конце текста есть приписка: «1789 г. — в настоящий момент заняты постройкой нового города — верфи в 7 милях ниже, на запад от Херсона на Буге, там, где он впадает в Черном море: местность здоровая и удобная для навигации. Название его — Витроски. Итак, Херсон обречен на уничтожение».

Можно думать, что записи Мюнца, касающиеся внешнеполитических вопросов, являются передачей тех планов и разговоров, которые велись как самим Ст. Понятовским, его начальником, так и окружением последнего. За годы службы у Понятовского Мюнц соприкасался, в качестве лица его свиты, со многими видными деятелями эпохи: в дневниках имеются упоминания и рассказы о польском короле, об Иосифе II австрийском, Потемкине, наследнике Павле, генерале Мальчевском, командовавшем польскими войсками на Украине, и о других.

На рисунке, изображающем залив у Канева, он пишет: «король жил здесь в господском доме (своего племянника), деревянном, который виден на рисунке на половине горы. Польский король обедал 6-го мая 1787 г. на борту галеры у императрицы и вернулся на берег; вечером же вся свита ужинала у короля». Император Иосиф II, под фамилией графа Фалькенштейна, упоминается во многих случаях: так, 11 мая 1787 г. отмечается его свидание с польским королем в Богуславе в 3 часа пополудни. Ранее, в 1783 г., Мюнц пишет о получении в Корсуне эстафеты о посещении Иосифом II Каменец-Подольска, о его неприличных выражениях по адресу Польши, об Адаме Чарторыйском, который при этом присутствовал, и т. д.

Претерпев на австрийской границе близ Брод грубое обращение пограничных чиновников³⁹, Мюнц записывает: «30-го июля 1780 года,

³⁷ Мюнц дает неправильно год основания: 1779 г. — Херсон заложен в 1778 г.

³⁸ Русск. биограф. словарь, И. О. Ганнибал, стр. 218.

³⁹ Они выбросили всю его ботаническую коллекцию и на возражения Мюнца ответили: „Нашему императору наплевать на ботанику“.

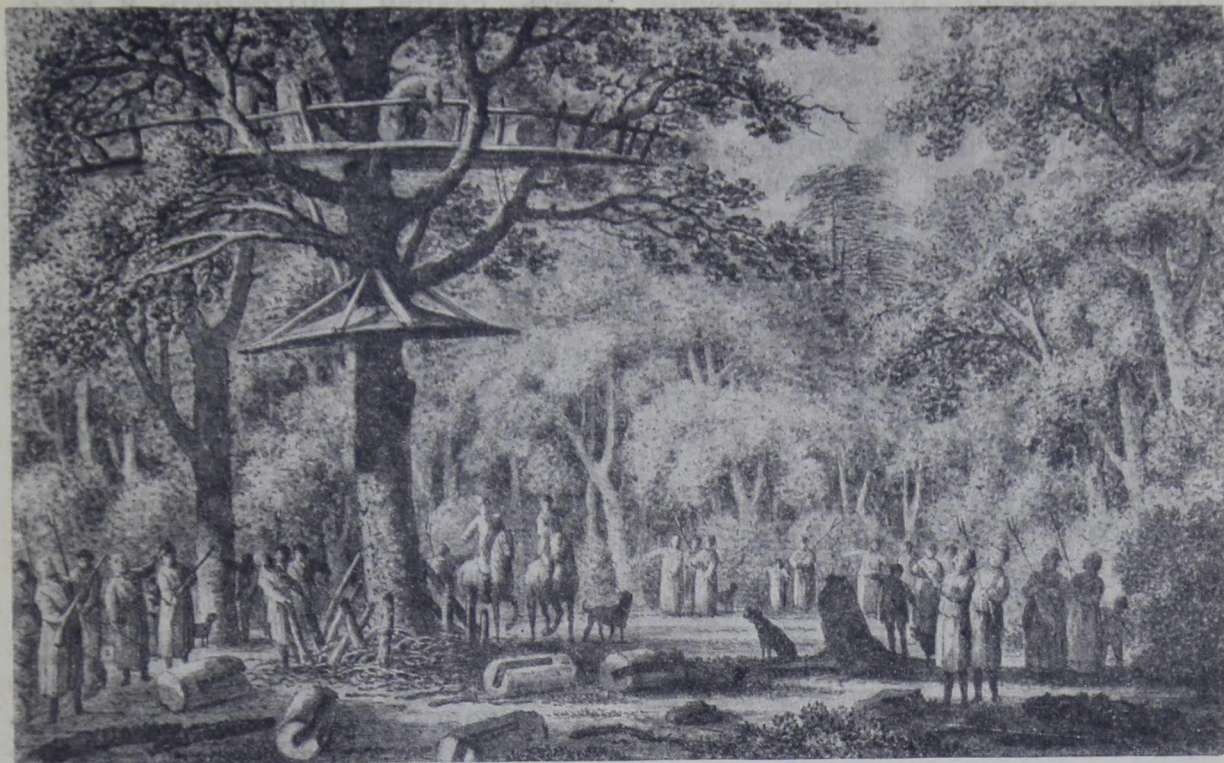

Рис. 21. Беловежская пуца. Акварель из альбома Мюнца. 1782 г.

Рис. 22. Начало долины Ягорлыка в Бессарабии. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

когда мы в Гродно сопровождали графа Фалькенштейна в ботаническом саду и кадетском корпусе, я лично слышал, как он сказал: «Никогда, никогда Польша не будет иметь случая употребить в дело этих прекрасно обученных молодых людей». По этому поводу Мюнц приписывает: «1789 год. Граф Фалькенштейн — плохой пророк: Польша имеет сильную армию, чтобы постоять за свои права» (М. А. № 7). В данном случае Мюнц оказался плохим наблюдателем.

Сопровождая Понятовского в Яссы, он принимает какое-то участие в дипломатических делах. Мотивом путешествия в Яссы он приводит запрещение молдавским господарем Константином Морузи ввоза водки из Польши в Молдавию.

Черты быта правобережной Украины в рисунках Мюнца

В своих записях Мюнц, как агент польского магната Понятовского, относится равнодушно, а частью и враждебно (гайдамаки) к народным массам Украины.

Мюнц-художник с большой любовью и чрезвычайно привлекательно изображает пейзажи Украины. Он находит в природе Украины большую красоту и отмечает это в дневниках, например. «Что может быть прекраснее местности Лысянки. Прелестные холмы, местами украшенные прекрасными лесами, очаровательные долины, плодородные, благодаря быстротекущим водам, земли, великолепные пастбища и пашни». Он восхищается реками, образующими водопады и усеянными мельницами (например рис. № 43 «Каскады и мельницы на горном Тикиче, около селения Буки»).

Как натуралист, перечисляя породы деревьев: дуб, бук, липа, ясень, береза, он затем в своих рисунках прекрасно передает красоту этих лесов, например на акварели «Вид Днепра в окрестностях Канева». В его изображении деревьев можно различить прибрежные ивы у Смелы, густую листву буков у Лысянки и др. Особенно хорошо передан лес на берегу Днепра, у Терехтемирова (М. А. № 63).

Повидимому, большое мастерство художника (известность Мюнца как пейзажиста сложилась уже в 1770 г.) позволяло ему так быстро передавать в рисунке всю совокупность деталей пейзажа. Он работал много и неутомимо. Иногда Мюнц делал по три рисунка в день (например 7 авг. 1781 г., утром, около полудня и днем), иногда работал в исключительный зной, когда путешественники прерывали путь, чтобы укрыться от жары. Его отличное знание перспективы было, вероятно, причиной такого обилия воздуха, простора и глубоких далей в его пейзажах. Вот харчевня, затерявшаяся в подольских степях. На переднем плане все объемно, живет в светотени — деревянный домик, бричка, виднеющаяся в дверях сарая, распряженные лошади, группа людей у колодца. На втором плане — далеко уходящая к горизонту степь, невысокие курганы, повозка шестеркой, увозящая путешественников вдаль.

Многопланность горных пейзажей с их долинами, перевалами, небольшими речками построена так, что втягивает зрителя в уходящие дороги, уводит вглубь, таков например «Вход в долину реки Ягорлыка со стороны Бендер». На переднем плане — возможно сам Мюнц, расспрашивающий о чем-то крестьянина, на них смотрит женщина, стирающая у реки. На втором плане мельница, столб, «закликающий на слободы», и стадо коров, на третьем деревенская усадьба, домик с топящейся печью, дальше горы смыкаются, и зритель мысленно продолжает линию дороги. Совсем иначе дается белорусская деревня,

Рис. 23. Древняя церковь в Каневе. Акварель из альбома Мюнца. 1783 г.

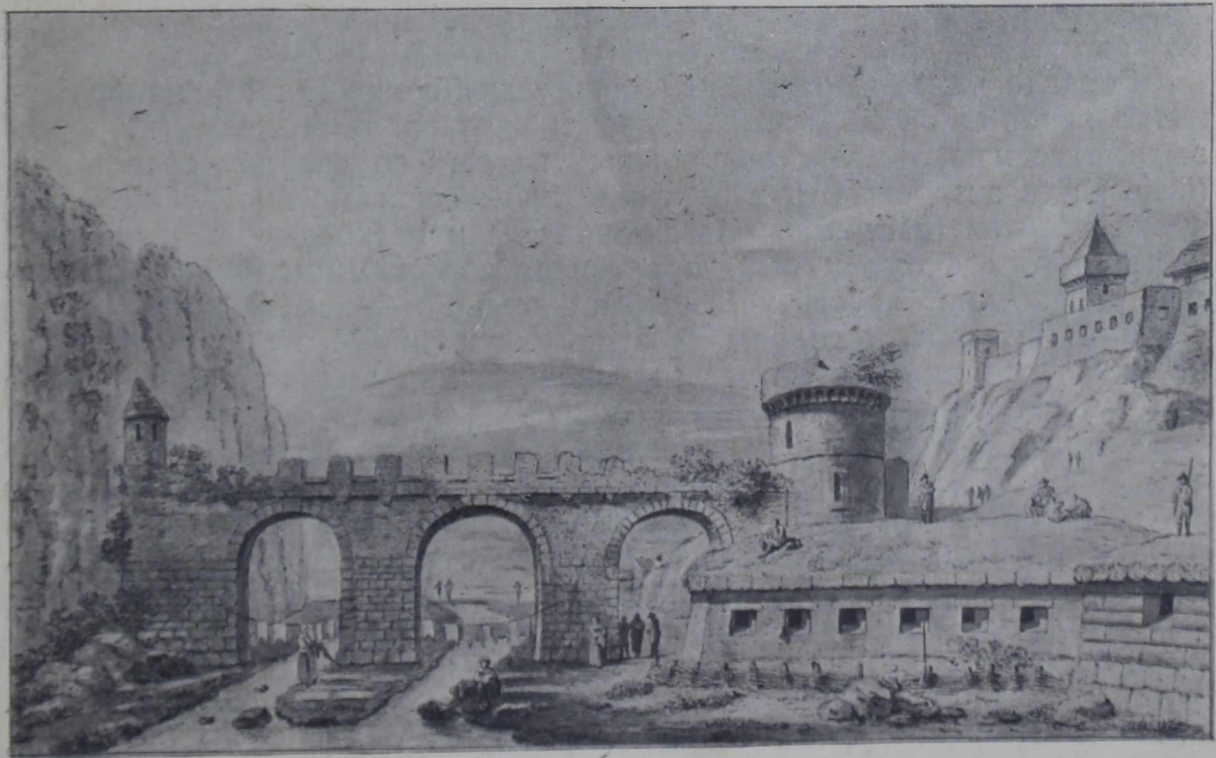

Рис. 24. Каменец-Подольск. Акварель из альбома Мюнца. 1782 г. (Большой альбом)

в Пинских болотах: линия горизонта падает вниз, люди, избы, поросший кустарником берег, расположены вокруг кольца воды, и даль уже не живет для зрителя, она в тумане.

В пейзажах Мюнца природа и люди органически связаны, в них имеется даже повествовательный элемент, поскольку на многих из пейзажей изображены целые сцены. Мюнц не забывает где-нибудь сбоку текста или внизу мелко, иногда едва различимо, пометить, что делают изображенные им люди. На рисунке «Вид города Пикова»: «местные жители заняты льнами и коноплями, которые они вымачивают в воде». На рисунке «Днепр у Дубоссар» (рис. № 72): «турецкий купец из Дубоссар, который пришел осмотреть свое маленькое стадо, разговаривает с крестьянином». На рисунке «Устье реки Ягорлык»: «здесь видна наша лодка, входящая в маленькую реку Ягорлык, и наша компания, продвигающаяся в глубь долины».

Дальше мы видим пахоту на волах под Каменец-Подольском, выработку селитры у г. Смелы, где изображены ряды бочек и работники с черпаками на длинных палках, уборку сена в огромные стога (под Белою Церковью).

На одной из акварелей изображены крестьяне, возвращающиеся с Каневской ярмарки (М. А., 1783 г., № 1). В арбе, запряженной парой волов, лесной дорогой едут крестьянки, одетые в белые свиты и такие же намитки, по краям дороги группы крестьян расположились на отдых. На обороте запись: «Ярмарки на Украине достаточно своеобразны. Население собирается накануне и проводит ночь под открытым небом. Дела начинаются с рассветом и к полудню все кончено, тогда все собираются в обратный путь, достаточно отягченные вином. Комические сцены в пути полны веселости и опьянения, но в целом без ссор и насилия. На этих ярмарках находишь в общем все, что только можно пожелать».

Люди изображены обобщенно, силуэтно, но в очень живых позах, связанных с процессами работы.

Гораздо менее выразительны акварели Мюнца (их 19), изображающие крестьян Молдавии, Украины и казаков. В то время как пейзажные эскизы Мюнца выполнены пером со слабой раскраской (bister) или акварелью, эти рисунки даны совсем иной манерой, в ярких красках (например «Казак-солдат») и несколько примитивно. В некоторых фигурах явно проступает известный шаблон — например украинские крестьяне, рыбак, мельник — все на одно лицо, с одним поворотом головы. В этих рисунках Мюнца чувствуется не художественный, а скорее этнографический подход, они ценны для исследователя, но малопривлекательны.

Очень выразительно переданы в альбомах города и местечки Украины. Например, город Старый Константинов хорошо представлен крепостной стеной, которая видела бои Максима Кривоноса с поляками, бежавшими из-под Пилявы. Многие зарисовки зданий интересны с историко-архитектурной стороны: украинские деревянные дома, силуэты украинских барочных деревянных церквей, крепости, мельницы, усадебные дома. Особенно интересны изображения таможен и постоянных дворов — они даны с большой выразительностью, как, например, таможня у Балты на р. Кодыме (рис. № 40); таможня у Крылова; дома таможен имеют овальную вывеску — государственный герб Польши с короной⁴⁰, на польском берегу реки Кодымы столб с таким

⁴⁰ На атласе Заннони 1772 г. мы имеем изображение герба, силуэт которого совершенно совпадает с изображением Мюнца.

же гербом, среди моста — турецкий пограничный знак с полумесяцем. Таможня у Крылова (рис. № 50) очень интересна архитектурой здания. Очень насыщены бытом рисунки, близко связанные с путевыми впечатлениями. На многих рисунках видна бричка, запряженная шестью лошадьми цугом с верховым (рис. № 38). Под Кременцом при спуске бричка свалилась — в падающем виде она изображена среди леса, а сами путешественники, одетые по французской моде, идут пешком; тот же возок изображен им на плоту, переезжающем через Днестр у Ягорлыка (рис. № 32).

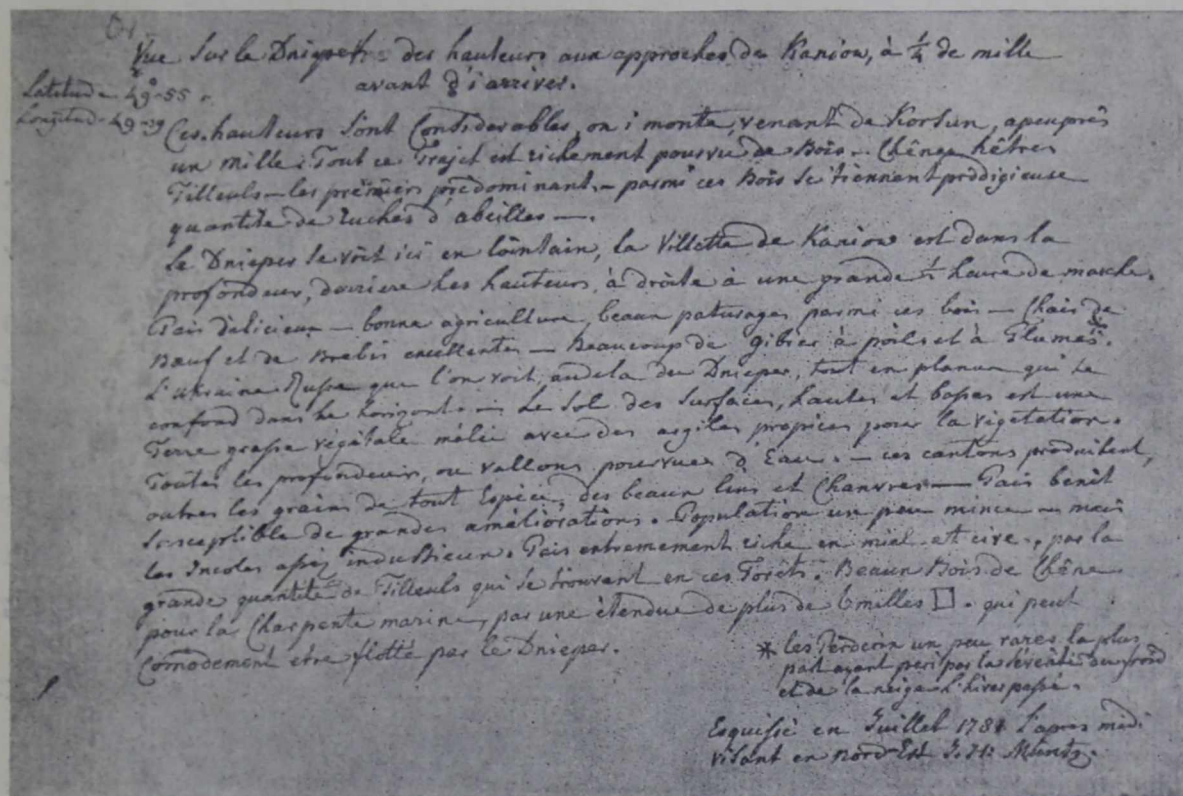

Рис. 25. Образец текста Мюнца. Обратная сторона акварели „Днепр около Канева“ (Малый альбом № 61)

Некоторые эскизы запечатлели природные явления: сильные грозы, причинившие гибель людей и скота, — таковы рисунок Канева (№ 16 Б. А.) и рисунок постоянного двора у начала подольских степей (М. А., № 12), нашествие саранчи (около Бендер) ⁴¹.

В целом следует отметить, что альбомы Мюнца было бы желательно в будущем издать, как редкий тип источника, соединяющий живописные изображения страны с текстовым комментарием. Эти тексты так разнообразны по содержанию и злободневны, что исчерпать их содержание в статье трудно. Время, когда Мюнц объезжал Украину, исторически очень интересно. Разваливалась «лежебокошляхетская» Польша, только что прошла волна народных восстаний по Украине против панского гнета и приближался момент воссоединения обеих частей Украины в 1793 г. под властью России.

⁴¹ В Кунсткаталоге Вейгеля 1841 г. упоминается акварель Мюнца на ту же тему.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Г. Н. БИБИКОВ—К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного	5
Е. И. ДРАКОХРУСТ — Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века	29
П. А. НЕЗНАМОВ—Карта Азовского моря 1699 г.	73
Л. И. ЯКУНИНА—Отпечаток на шелку гравюры с изображением Димитрия Кантемира	83
М. И. ДУБОВСКАЯ—Неизвестные портреты первой четверти XVIII века	93
А. Я. БРЮСОВ—Поиски золота в Карело-Финской ССР в конце XVIII века.	101
И. С. КУРИЦЫН—К истории мануфактурного производства в XVIII веке	131
Е. И. ДРАКОХРУСТ—Альбомы-дневники И. Г. Мюнца 1781—1783 гг. об Украине, Молдавии и Белоруссии.	153

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
26	7 снизу	XV в.	XVI в.
84	17 снизу	П. А. Щукина	П. И. Щукина
86	19 сверху	Этому	Этот
86	27 снизу	fergas	tergas
93	9 снизу	санкт Пітербурге	Санктъ Пітеръбурхе
93	8 снизу	Грігорій Мусікійскі	Грігорі Мусікіскі
98	под рис. 6	И. Пикара	П. Пикара
99	под рис. 7	И. Пикара	П. Пикара
108	7 снизу	1492	1792 г.
119	3 снизу	уроженцами	уроженцами
164	20 снизу	ford	fond
180	15 снизу	крымкой	крымской

ЦЕНА 20 руб.

